

Наступающие сумерки медленно сгущались над узкой, извилистой, замощенной булыжником и освещённой тусклым светом газовых фонарей улицей.

Прохладный ветер бросал мне в лицо пыль, гонял по грязи белые квадраты листовок, опавшие листья деревьев и прочий мусор.

В воздухе витали ароматы свежее испеченного хлеба, табака, кофе, смешиваясь со сладкими ароматами гименокаллиса и шоколадного дерева.

Где-то вдали грустно, пронзительно пел бандонеон.¹

Я прислушался к музыке, улыбнулся, и зашагал чуть быстрее, тихонько подпевая невидимому музыканту. Слова давным-давно врезались в память, никакие неурядицы не смогли заставить меня забыть текст:

*«Vuelvo al Sur,
Como se vuelve siempre al amor,
Vuelvo a vos,
Con mi deseo, con mi temor»...²*

Маленький аккуратный домик, спрятавшийся от окружающего города за садом казавшихся свинцовыми в наступающих сумерках миндалевых деревьев и невысокой каменной оградкой, словно ждал меня.

Негромко скрипнула старая входная дверь, в унисон ей зазвучали рассохшиеся половицы.

Старушка в чёрном, сидевшая за столом спиной к входу, повернулась ко мне лицом, во взгляде её явственно читалось удивление.

– Здравствуй, мать. Я вернулся.

– Надолго?

– Думаю – навсегда.

– Добро пожаловать домой, сынок, – она с трудом поднялась со своего места.

Кап – дзинь, кап – дзинь...

Монотонные удары воды о железо казались звоном колоколов в тишине комнатёнки.

Крыша постоянного двора давно прохудилась, и под место протечки владелец поставил металлический таз, что, на мой взгляд, только усугубило ситуацию.

Я приподнялся на кровати, сел и помотал головой, отгоняя остатки дрёмы. С трудом натянул на отёкшие ноги нечищенные чёрт знает сколько времени сапоги, и, подойдя к окну, отдёргнул тряпки, служившие шторами.

Мутное, сизое небо сочилось дождём.

Всюду, до самого горизонта, куда ни кинь взгляд, расстился песок, в тусклом свете наступающего дня казавшийся серым. Атарндская пустыня осенью, во всей своей «красе»...

Оконное стекло на мгновение отразило мою внешность: худощавое, смуглое, исчерченное морщинами лицо с резко выступающими скулами, давно не бритую колючую щетину, зелёные глаза, переносицу, по форме похожую на букву «S», грязную, пыльно-землистого цвета рубашку с засаленным воротником.

Заскрипела, приоткрываясь, дверь, и в тишине, нарушаемой лишь барабанной дробью дождя, прозвучал вопрос:

– Вы отдохнули, господин полковник?

– Не называй меня так, Моран. Звание мне было дано общим собранием вопреки моей воле, – я повернулся к вошедшему, среднего роста смуглому молодому мужчине, прижимавшему покалеченную левую руку, на которой не хватало двух пальцев, к груди.

– Значит, я могу готовиться к отъезду?

– Нет. Ты чуть задержишься здесь. Я еду один.

– Вы всё-таки хотите рискнуть своей головой? – по интонации чувствовалось, что мой собеседник расстроен. – Не бойтесь сойти с ума, как это случилось с капитаном Мартинезом?

– У меня есть выбор? – усмешка скользнула по моим губам. – В отличие от государственной казны Эочо, средства простого люда невелики... Кстати, о деньгах, – я вытащил из истрёпанной походной сумки, стоявшей рядом с кроватью, кожаный кошель, и протянул его собеседнику. – Возьми. Это за службу, и ещё немного вперёд. Здесь твоя доля, и доля доктора Коррото.

– Это...очень благородно, господин полковник, но как же вы? Да и медик сказал, что ничего не сможет сделать с Марти, что процесс необратим...

– Обойдусь. А плачу я не за лечение, а скорее, за присмотр. И ты поможешь в этом врачу, к тому же за своим двоюродным братом, пусть и психически больным, следить немного легче.

– Хорошо, господин полковник. Можно идти?

– Да. И повторюсь – не называй меня по званию, которое мне не принадлежит.

Густаво покинул комнатёнку, а я вновь начал копаться в сумке.

Двоюродный брат капитана Мартинеза пришёл в ряды повстанцев довольно давно, лет пять назад, когда мной только-только затевалась очередная попытка государственного переворота. Не сразу, но постепенно Моран добился доверия, а со временем вошёл в небольшую группу руководителей мятежа. Очередного неудачного мятежа, а сколько их было на моей жизни... Три? Четыре? Не помню...

Сейчас Густаво получил самое сложное из всех заданий – ждать. Ждать плохих вестей, просто потому, что результат затеваемого мной предприятия, не мог быть положительным, по крайней мере, для некоего «господина полковника».

Из походной сумки на пол выпала металлическая коробочка из-под леденцов. Подобрав её и сняв крышку, я удостоверился, что она полна желтоватых капсул, несколько из которых были немедленно отобраны, завернуты в носовой платок, и убраны под рубашку, после чего оставшаяся часть наркотика вернулась на своё место.

Чёрный мул по кличке Упрямец прядал ушами, ожидая меня в стороне.

– Наверное, мы вас больше не увидим? – чувствовалось, что обычно невозмутимый Моран нервничает.

– Не загадывай, Густаво. Даже я не могу сказать, что будет завтра. По крайней мере – тебе и доктору придётся запастись изрядным количеством терпения. Даже если мне не удастся возвратиться – деньги у вас есть, на некоторое время их хватит, а когда всё уляжется – вполне сможете разойтись по домам. Да и найти хижину в джунглях будет не просто, особенно для жандармов или правительственных войск.

– Вы сразу отправитесь в Город Снов?

– Нет. Может быть, на юг. Хочу увидеть родные места, прежде чем сунуть голову в петлю, – сухо ответил я, пожал руку собеседнику, и, забравшись в седло, легонько ударил мула пятками по бокам. Упрямец фыркнул, мотнул головой и пошёл рысью, оставив позади моего верного помощника и захолустный постоялый двор.

Сизые небеса давно прекратили исторгать из себя потоки воды, но тучи не собирались отступать. Серость окружающего пейзажа вкупе с холодным ветром, норовящим забраться под потёртый дорожный плащ, наводила меня на мрачные мысли. Впрочем, нечему удивляться – здесь, в Атарндской пустыне, осенью всегда так. После летней жары погода словно сходит с ума: если нет дождя – ветер, нет ветра – дождь, а иногда, когда нет ни того ни другого – бывает и снег. Но всё это играло мне на руку – никому из жандармов, военных, или просто местных бандитов, не придёт в голову искать кого-либо здесь в такую погоду.

Я не лгал, когда, прощаясь, сказал Морану, что не знаю, что будет завтра. Действительно, слишком много в моём плане было «если»... А вот Мартинез, наверное, тоже бы одобрил мои действия – капитан сошёл с ума, реализуя подобную задумку. Но

двоюродный брат Густаво наверняка упрекнул бы меня в трусости и малодушии, за мою попытку возвращения в родные края в нынешних условиях.

Путь предстоял довольно долгий – трое суток до перевала Дорген, и, если граница не перекрыта войсками, то ещё через день я смогу оказаться дома. В случае неудачи... что же, значит фразе «Vuelvo al Sur» не суждено сбыться. Тогда всё будет ещё проще – через тридцать часов передо мной будут ворота Города Снов, конечно, при условии, что я буду жив...

Очередной резкий порыв ветра швырнул мне в лицо песок. Я поморщился, поправил платок, закрывавший лицо по переносицу, и вновь погрузился в раздумья.

Мул продолжал идти ходкой рысью, с каждой минутой приближая меня к цели.

Заночевал я в оазисе, посреди густо поросших растительностью развалин деревушки.

Ночью мне опять снился юг, с прохладным ветром, огромной луной и мелодиями бандонеона.

Утро, как и положено, началось с неприятности: меня разбудил голоса.

Осторожно выглянув наружу, я заметил четвёрку оставленных без присмотра лошадей, и мелькнувшего на мгновение в руинах соседнего дома человека в синем мундире.

«Жандармы...».

План действий был готов мгновенно: забрав из седельной кобуры винтовку, я осторожно пошёл за ними.

Момент был удачным – двое служителей правопорядка пыталась сложить из набранных здесь же, в руинах, кирпичей некое подобие очага, а ещё один прикидывал, что могло бы сойти за дрова. Оружие они отложили в сторону, о чём вскорости и пожалели.

«Главное – не натолкнуться на четвёртого...»

Жандармы обернулись, услышав звук передёргиваемой скобы взвода. Обернулись, чтобы увидеть длинный ствол моей винтовки, равнодушно глядящий на них.

– Господа, будьте любезны, уделите мне минутку внимания. Во-первых, я вам не советую дергаться, бегать, прыгать, а уж тем более – тянуться к чему-нибудь колющему, режущему или огнестрельному. Это может быть чревато для вас. А во-вторых – будьте любезны, снимите с себя поясные ремни, и свяжите ими друг друга.

Троица, ругаясь на чём свет стоит, выполнила эту «просьбу».

«Где четвёртый?»

Я покрутил головой, и, найдя искомого, удивлённо поднял бровь. «Четвертым», а вернее, четвёртой, оказалась хрупкая темноволосая девушка в дорожном плаще. Руки её были связаны за спиной.

«И что прикажешь делать? Не оставлять же тебя здесь...»

Торопливо распутав верёвки, я бросил ей:

– Берите одного коня и следуйте за мной. Поговорим позже.

– Хорошо, – негромко сказала она.

Она была красива.

Светло-голубые глаза, чуть вздёрнутый носик, упрямо сжатые губы.

«Так не бывает. Никто не смог излечиться от Сонной чумы. Никто. Считай это совпадением...».

Лишь когда развалины после часа безудержной скачки остались позади, моя неожиданная попутчица позволила себе вопрос:

– Кто вы?

– Зачем вам знать это? – я невесело усмехнулся.

– Просто не всякий человек будет рисковать собой, угрожая служителям закона.

– Они давно потеряли этот статус, начав служить генералу Хайме Кордеро, – мой ответ был сух и резок.

– Но, тем не менее, вы не стали стрелять.

Она не могла видеть мою улыбку под платком.

– Винтовка не заряжена.

– Не заряжена?! – в высоком, звонком голосе девушки чувствовалось искреннее удивление вперемешку с негодованием. – А если бы...

– В этом случае я был бы мёртв, а вы продолжали бы путь с господами из жандармерии. Только и всего, – я пожал плечами.

– Тем более, мне бы хотелось знать, кто вы... Для подобного спектакля нужна недюжинная храбрость.

Я неторопливо стянул платок, наблюдая, как лицо моей случайной попутчицы стремительно бледнеет.

– Чудовище!

– Неужели вы меня знаете?

– Представьте себе, господин Даниэль Ройес по прозвищу «Непобедимый» – профессиональный революционер, государственный преступник, и самозванный полковник!

– Надо же, как широко известна моя скромная персона... – фыркнул я. – Впрочем, если вам не нравится путешествовать в моей компании – вы всегда можете вернуться к господам, с которыми были сегодня. Или, если хотите меня покинуть – можете идти своей дорогой, но вряд ли я сумею вам помочь в следующий раз.

– Благодарю покорно, но пока предпочту остаться.

– Вот и славно. Кстати, вы так и не представились...

– Эва, – сухо ответила девушка.

– И за что вас так невзлюбили господа законники?

– Это неважно.

«Что ж, не хочешь говорить – ну и не надо, сам узнаю...»

Местом для ночлега стали очередные руины деревушки, которых по всему Эочо после двух войн с соседними государствами и одной гражданской было раскидано неимоверное количество.

Костёр я разводить не стал, мотивируя его отсутствие не столько дефицитом топлива, сколько вероятностью того, что нас ищут господа жандармы с отнюдь не добрыми намерениями.

На всякий случай предупредив Эву, что у меня чуткий сон, дабы та не вздумала стащить что-нибудь, я расстелил плащ, и, улёгшись на него, стал смотреть в серое, мутное небо.

– Звёзд не видно, всё в этих чёртовых тучах. А на юге всё по – другому...

– Вы бывали на юге? – девушка удивилась. – Когда?

– Давным-давно, лет, наверное, восемнадцать назад. Ещё до того, как наш сосед, Уогри, отторг его себе по результатам Трёхлетней войны.

– И какое там небо?

Я улыбнулся, и тихонько пропел:

«Sueño el Sur,

Inmensa luna, cielo al revés,

Busco el Sur,

El tiempo abierto, y su después».³

Эва удивлённо подняла брови.

– Вы её тоже знаете, эту песенку? Она очень грустная.

– Да. На юге она известна повсюду.

– Вы оттуда?

– Наверное, – я чуть усмехнулся. – А что касается грусти – неудивительно. Это боль разобщённого народа, страны, что разделена чужими и своими, и свои, к несчастью, страшнее инородцев.

– Вы имеете в виду Кордеро?

– Его самого. Впрочем, я не хочу сейчас говорить на эту тему.

– Хорошо, – девушка завопилась, устраиваясь на своём плаще поудобнее. – Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Мне не спалось. Я ворочался с боку на бок, прислушался как дышит во сне моя попутчица, ещё раз всмотрелся в её лицо, казавшееся мне таким знакомым...

– Ты сегодня придёшь, Эктор? – светло-голубые глаза вопрошающе смотрели на меня, губы, обычно упрямо сжатые, улыбались.

– Наверное. Только сначала помогу матери по хозяйству.

– Хорошо, – девушка улыбнулась. – А может мне прийти к вам?

– Не стоит, Клаудия. Мне стыдно показывать тебе своё жилище.

– Почему? У тебя хороший дом, к тому же ещё и окружённый садом. На мой взгляд, это гораздо лучше моей тесной квартирки...»

Я вынырнул из омута воспоминаний, помотал головой.

«Нет, ты всё же слишком на неё похожа...А этого быть не может, или я чего-то не знаю».

Просидев ещё с полчаса и перебрав все возможные варианты, и не придя ни какому выводу, я лёг спать.

...На белой коже щёк расплылись чёрные пятна, фигура казалась изломанной, тонкий рот скривился в гримасе боли...

– Видишь, Эктор, Генерал Чума добрался и до нас...

– Ты с ума сошёл! – кричала мать. – Ты решил бросить меня одну на старости лет?

– С ума сошли вы! Все, вся наша страна, неважно – юг или запад, просто потому, что позволяете какой-то кровососущей пиявке распоряжаться вашими жизнями уже полтора столетия! – кричал в ответ я. – Вспомни отца, вспомни своего брата – за что они сложили головы? Первый – чтобы дать прожить ещё немного «господину Кордеро», – последние слова я произнёс с отвращением, – а второй – погиб за свою родину на войне, а результат? Генерал всё равно отдал юг соседям!

Мать вздрогнула.

– А слова той провидицы – что домой ты вернёшься только после своей смерти, для тебя ничего не значат?! – вспыхнула она.

Скрипнула дверь, мы обернулись на звук. Давешняя предсказательница, невысокая женщина в чёрном, замерла в дверном проёме:

– Отпусти его. Это судьба, рок, и как не старайся – он от неё не уйдёт.

– Я не хочу...

– Твой сын станет полковником, и развяжет четыре войны, которые он проиграет, но не по своей вине. Его будут бояться враги, уважать и любить друзья, но домой он вернётся лишь после смерти...

Наступающие сумерки медленно сгущались над узкой, извилистой, замощенной булыжником и освещённой тусклым светом газовых фонарей улицей.

Прохладный ветер бросал мне в лицо пыль, гонял по грязи белые квадраты листовок, опавшие листья деревьев и прочий мусор.

В воздухе витали ароматы свежее испеченного хлеба, табака, кофе, смешиваясь со сладкими ароматами гименокаллиса и шоколадного дерева.

Где-то вдали грустно, пронзительно пел бандонеон.

На маленькой скамейке под фонарём сидела... Эва.

– А ты что здесь делаешь?

– Это и есть юг, Ройес? – она улыбнулась.

– Теперь я понимаю, чем ты не угодила жандармам. Тебя нет в официальных списках владеющих сверхъестественными силами, только и всего. Незарегистрированная провидица, которую они должны были казнить.

– Ты прав, – она кивнула. – Я иногда хожу по чужим снам.

– А к тем, кто сошёл с ума, ты тоже можешь попасть? Например, к тем, кто потерял разум в Городе Снов?

– Нет. К ним нельзя. А вот к мёртвым – есть возможность. Они же тоже в какой-то мере сняты. Можно, например, заставить их постоянно видеть сон, который им снился при жизни...»

Мул и жандармский конь шли неторопливым галопом, вокруг расстилались серые пески пустыни.

– Значит, вы собрались на юг, Ройес? Это слишком напоминает бегство, – в голосе провидицы слышался укор.

– У любого приговорённого к смерти есть последнее желание, так и я – прежде чем совать голову в петлю, хочу ещё раз побывать на родине, где меня не ждут.

– А что после?

Я усмехнулся, и вытащил из дорожной сумки коробочку с янтарными капсулами, открыл.

– Вы с ума сошли! Откуда у вас тёртые семена ренкана?

– Года два назад меня пытался отравить агенты Кордеро. Как видите, назло Генералу Чуме я остался жив.

– Вы собрались проникнуть в Город Снов?

– Да.

– Но ваша душа, ваш рассудок останется там!

– Возможно, но я не боюсь. Это мой последний шанс продолжить борьбу.

Эва вздрогнула.

– Неужели ваша война с правителем стоит этого? Стоит вашего безумия и смертельного риска, Ройес? – девушка явно пыталась меня отговорить.

Я потянул Упрямца за поводья. Мул послушно остановился.

– У этой страны нет правителя. Вместо него – мразь, кровососущая пиявка, ради своего «бессчётного времени вечности», убивающая других людей. Вы ведь знаете, почему Кордеро столько прожил и живёт до сих пор...

– Болезнь, за которую генерал и заслужил своё прозвище?

– Да. Он управляет ей. Жертва Сонной чумы не умирает, лишь засыпает, засыпает навсегда. Заражённых нельзя разбудить никакими силами, даже у провидиц, вроде вас, Эва, это не получается. А пока больные живы – генерал тянет из них жизненную силу, в счёт чего и правит страной уже более полутора столетий. Сколько так умерли, проведя всю свою жизнь во сне – не счесть.

– И только за это?

– А вы полагаете, этого мало? Посмотрите, что осталось от страны, в результате его правления – руины, голод, разруха! Две войны он проиграл, и как результат – мой родной юг достался соседу, и, чтобы вернуться к себе домой, я, гражданин Эочо, должен пересечь границу!

– И поэтому вы хотите попасть в Город Снов. Думаете, там есть средство, способное помочь в борьбе с Кордеро?

– Да. Оно называется очень просто – деньги. В распоряжении генерала – государственная казна, а я не могу выжимать последнее из простого люда, разорённого его правлением. Ни одного поражения на поле боя – только экономические. И в этот раз армию я распустил по той же причине – солдатам нужно жалование, а денег – нет. А город...хоть и состоит из материализованных снов различных людей, но он таит в себе несметные сокровища. Впрочем, многие пытались до них добраться, – я вспомнил Мартинеза, – но попали в момент «схлопывания сна», когда человек, который его видит, просыпается, и сошли с ума – их души заблудились там.

– Но чтобы пройти внутрь, надо...

– Владеть даром провидицы? Нет, вы не правы, Эва. Наркотик. Да, он убьёт меня с первого приёма в трёх случаях из четырёх, но ведь агенты генерала Чумы уже пытались отравить некоего Ройеса именно тёртыми семенами ренкана, как видите – безуспешно. А когда я покину город – он поможет мне продержаться ещё некоторое время.

– Вы действительно сумасшедший, – девушка покачала головой.

– Может быть, но дело даже не в деньгах. За мной долг – душа одного из моих друзей заблудилась там. А вот вы бы могли войти в Город при помощи наркотика без вреда для себя ...или я не прав?

– Правы, Даниэль. Только вот я вряд ли соглашусь лезть в это осиное гнездо. Хоть мои шансы выжить там и выше...

– Да пожалуйста, – я усмехнулся.

– Здесь мы с вами расстанемся, – бросил я Эве. – До Доргена осталось немного.

– Я полагаю, что вы не проедете, Даниэль.

– Тогда я сразу отправлюсь в Город Снов.

Девушка вздрогнула.

– Ты всё так же бесстрашен, как и тогда, Эктор. – в голосе провидицы прозвучали знакомые нотки.

Я усмехнулся. Головоломка, мучившая меня последние ночи, сложилась.

Негромко щёлкнула застёжка поясной кобуры.

– Мне казалось, что ты уснула навсегда, Клаудия.

– Так, наверное, оно и было...А потом меня разбудил Генерал Чума, и вернул мне всё то, что забрал, даже с избытком. До этого я не умела ходить по снам.

– Зачем ты ему?

– А что, некий господин Ройес стал бы разговаривать с кем-то другим в роли правительственного посланца? Сомневаюсь.

– Чего хочет Кордеро?

– Мира.

– Значит, он испугался ... – я усмехнулся. – Наверняка Генерал Чума ещё и обещал вознаграждение, как всегда, – в моём голосе чувствовалась желчь. – Кажется, я даже знаю, какое.

– Свободу... и окончательное возвращение меня к жизни, – Клаудия грустно улыбнулась.

Я вздрогнул.

– Заманчивая перспектива, не так ли?

Револьвер покинул кобуру, глянул на девушку холодным зрачком ствола.

– Уходи.

– Неужели всё, что было тогда между нами – теперь ничего не значит?

– Моя любовь не стоит жизней сотен людей, – сухо ответил я. – Уходи, и передай генералу, что за каждого «выпитого» я повешу его, как вора.

– Он убьёт меня, если ты не согласишься.

– У тебя есть выбор, – я усмехнулся и ударил Упрямца пятками по бокам, заставляя сорваться в галоп, – решай.

– Господин Ройес, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – спокойно ответил я, глядя на десяток драгун, окруживших меня полукругом. – Неужели я настолько опасен, что на меня нужно выходить не меньше чем в десятикратном превосходстве?

«А до Города Снов ещё полдня скачки. Ты не добрался, Даниэль...»

– Как я вижу, ты недалеко уехала, Клаудия, – невесело усмехнулся я, глядя на девушку за соседней решёткой. – Зато теперь генералу нет нужды беспокоиться – все те, кого он хотел заполучить – здесь.

Она ничего не ответила мне, лишь устало привалилась к каменной мшистой стене спиной.

– Вставайте, господин полковник! – рядом с решёткой камеры стоял... Моран.

Я с трудом поднялся с неудобного соломенного тюфяка.

– Что ты здесь делаешь?

– За вами пришёл. Охрана подкуплена, ключ у меня. Нам нужно срочно попасть в Город Снов!

– Стой! – бросил я Густаво, и подошёл к решётке соседней камеры.

Клаудия не спала.

– Ты решила?

– Да.

– И что?

– Я помогу тебе, – девушка устало кивнула. – Только... как я отсюда выберусь?

– Есть средство... Но прежде – поклянись мне своим даром.

Она неторопливо произнесла формулу, а я спешно вытащил из-под рубашки платок с завёрнутыми в него янтарными капсулами и протянул его девушке.

– Моран, выведи её.

– А как же вы, господин полковник?

– К чёрту меня! Выводи девчонку, я приказываю.

– Ройес, а как же ты? – Клаудия вздрогнула.

– Никак! – сердито огрызнулся я. – Моран, выведи её!

– Будет исполнено, – Густаво кивнул.

– У вас хорошее чувство прекрасного, полковник, – я улыбнулся, осматривая окрестности.

Серебристая лента реки, выходявшая откуда-то из густых джунглей, пряталась под мостом. Расположившаяся на берегу деревушка отгородилась от внешнего мира каменной оградой, за которой были видны цветущие шоколадные и миндальные деревья.

Рядом с изгородью тёмным зевом чернела яма.

– Удачное местечко. Я полагаю, что всё готово? Тогда не будем тянуть, начнём.

– Действительно, начнём, – согласился мой давний противник, полковник правительственной армии Лоренсо Серрано, которого я неоднократно громил на поле боя ранее.

– Священника, господин Ройес?

– Нет. Это излишне, за всё, что я сделал в своей жизни, меня должны судить люди, – я повернулся лицом к пятёрке солдат.

– Чего-нибудь желаете напоследок?

– Сигару.

– Прошу, – Серрано протянул мне искомую и коробок спичек.

Я закурил, жмурясь от удовольствия.

Где-то за оградой, в деревне, пел бандонеон. Я прислушался, и чуть улыбнувшись, начал подпевать:

«Quiero al Sur,
Su buena gente, su dignidad,
Siento el Sur,
Como tu cuerpo en la intimidad.
Vuelvo al Sur,
Llevo el Sur,
Te quiero Sur...»⁴

«Жаль, что там я так и не побывал».

Чудесная мелодия стихла. Сигара полетела в траву.

– Ну, так чего же вы ждёте?

Лоренсо не торопился отдавать команду.

– Целься! – бросил я солдатам.

Те подчинились, и стволы винтовок глянули мне в лицо.

Мне понадобилось лишь несколько секунд, чтобы вспомнить тридцать восемь лет моей жизни, и почувствовать себя непобедимым в тот момент, когда с усмешкой на губах я отдал свой последний приказ:

– Пли!

...Более всего это напоминало падение в бездну...

Темноволосая девушка со светло-голубыми усталыми глазами, чуть вздёрнутым носиком, упрямо сжатыми губами остановилась около могилы.

– Я сделала всё, как ты просил...Ты рад этому, Эктор? – она осторожно коснулась креста рукой. – Спи спокойно.

Генерал Хайме Кордеро будет повешен два года спустя. Приговор приведут в исполнение двое – капитан Мартинез и лейтенант Густаво Моран, а ещё через четыре года юг будет возвращён в состав Эочо.

...Падение, казалось, продолжается целую вечность.

Закончилось оно неожиданно – приземлением на кучу палых осенних листьев.

Я встал на ноги, и отряхнулся.

Наступающие сумерки медленно сгущались над узкой, извилистой, замощенной булыжником и освещённой тусклым светом газовых фонарей улицей.

Прохладный ветер бросал мне в лицо пыль, гонял по грязи белые квадраты листовок, опавшие листья деревьев и прочий мусор.

В воздухе витали ароматы свежееиспеченного хлеба, табака, кофе, смешиваясь со сладкими ароматами гименокаллиса и шоколадного дерева.

Где-то вдали грустно, пронзительно пел бандонеон.

Я прислушался к музыке, улыбнулся, и зашагал чуть быстрее, тихонько подпевая невидимому музыканту. Слова давным-давно врезались в память, никакие неурядицы не смогли заставить меня забыть текст:

*«Vuelvo al Sur,
Como se vuelve siempre al amor,
Vuelvo a vos,
Con mi deseo, con mi temor»...*

Маленький аккуратный домик, спрятавшийся от окружающего его города за садом миндалевых деревьев, которые в наступивших сумерках казались свинцовыми, и невысокой каменной оградкой, казалось, ждал меня.

Негромко скрипнула старая входная дверь, в унисон ей зазвучали рассохшиеся половицы.

Старушка в чёрном, сидевшая за столом спиной к входу, повернулась ко мне лицом, во взгляде её явственно читалось удивление.

– Здравствуй, мать. Я вернулся.

– Надолго?

– Думаю – навсегда.

– Добро пожаловать домой, сынок, – она с трудом поднялась со своего места.

¹ Разновидность аккордеона.

² «Возвращаюсь на юг,
Как кто-то всегда возвращается к любви;
Возвращаюсь к тебе,
Со своими желаниями, со своими страхами» (исп.).

³ «Мечтаю о юге,
Необъятной луне, опрокинутом небе,
Ищу юг,
Свободное время и то, что после» (исп.).

⁴ «Люблю юг,
Его хороших людей – его богатство,
Чувствую юг,
Как твоё тело в моменты близости.
Возвращаюсь на юг,
Несу в себе юг,
Люблю тебя, юг» (исп.)

В тексте рассказа использованы слова композиции Astor Piazzolla – Vuelvo al Sur.